

О. Ю. Герасимова

ДИСКУРС ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная статья посвящена дискурсу власти как одному из составляющих элементов социокультурного взаимодействия. Проанализирована причина разворачивания властных дискурсов в социальном пространстве. Рассмотрена особая роль информации во властных отношениях современного общества. Особое внимание обращено на перспективы развития социального бытия, где выявлено несоответствие традиционных иерархических институтов политической власти современному быстроразвивающемуся обществу, что неизбежно ведёт к децентрализации политической системы.

Ключевые слова: дискурс, пассионарность, сетевая структура, власть.

«Дискурс (от лат. *discere* – блуждать) – это словесно либо письменно артикулированная форма объективации содержания сознания. Дискурс – сложное единство языковой практики и внешних к ней факторов, необходимых для понимания текста, т. е. дающих представление об агентах коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения»¹.

Дискурс – это речь, погружённая в жизнь, в социальный контекст. Одним из таких контекстов являются властные отношения. В этой реальности дискурс разворачивается определённым образом, подчёркивая разность позиций субъекта и объекта властных отношений, как на вербальном уровне, так и на невербальном.

Можно говорить о дискурсе власти, который отражает составляющую социокультурного взаимодействия.

В дискурсе Фуко обнаруживает специфическую власть произнесения, наделённую силой нечто утверждать. Говорить – значит обладать властью говорить. В этом отношении дискурс – такой же объект борьбы за власть.

В дискурсе заключён определённый опыт и сознание субъекта, поэтому дискурс может быть подчинён власти или настроен против неё. Дискурс «блуждает» по социальному полю властных отношений, локализуясь в ключевых точках взаимодействий людей.

Причиной разворачивания властных дискурсов служит выплеск энергии, пассионарности как способ утверждения собственной аутентичности.

Наиболее ярко дискурс власти разворачивается в сфере политики при использовании информации как главного её ресурса в современном обществе. Информация является

составным элементом политического дискурса при взаимодействии субъекта и объекта властных отношений.

Чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не институтам и нормам, а самим действующим лицам и их дискурсам: имиджам, образам, причем на виртуальной политической сцене.

И здесь важно подчеркнуть, что информация как политический ресурс обладает целым рядом принципиально новых качеств, которые особенно эффективно можно использовать именно в политической сфере. Прежде всего, поражает универсальность информации: в отличие от природных, трудовых и денежных ресурсов, информация не убывает по мере ее использования, поэтому ее политического влияния хватает на любую аудиторию; информация неотчуждаема, и приобретение новой информации не уменьшает способности человека приобрести еще столько же.

Совершенно особые свойства проявляет информация в пространстве: она мгновенно распространяется, и ее одновременно могут потреблять самые разные политические акторы. С точки зрения политической мобилизации общества информационный ресурс обладает преимуществом всеохватности и одновременности воздействия, что до информационной революции было практически неосуществимо. «Синергетический закон коэволюционных корреляций утверждает, что каждое структурное, организационное нововведение помимо прямого и планируемого результата приводит к параллельным незапланированным всплескам энтропии в соседних и промежуточных сферах»².

Новым кредо виртуальных информационных политтехнологов стал девиз: «То, что не

показали по ТВ, вообще не произошло в политике», т. е. то, что дискурсивно не проявлено – того вовсе не существует. Мозаичность событий на виртуальной политической сцене, которую каждый телеканал освещает в разных ракурсах, делает восприятие политического процесса еще более дискретным и стохастичным. Впервые в истории человечества политическая культура формируется электронными СМИ, которые и выступают как дискурсы. В большинстве случаев они ориентированы на максимальные экономические или политические прибыли. Никогда прежде общество не допускало, чтобы формирование политических ценностей зависело от получения прибыли или личного своекорыстия богатых соискателей политической власти. Политический дискурс становится удобной искусственной конструкцией влияния на сознание людей, своеобразной формой его программирования.

Социологи подсчитали: человек производит ежедневно и ежечасно столько статистических данных, формул, образов, документов и деклараций, что сам не в состоянии их усвоить. Однако вместо того чтобы искать новые способы осмысления и переработки информации, мы все более быстрыми темпами продолжаем производить новую информацию, т. е. увеличиваем количество дискурсов. В результате большие объемы неиспользуемой информации превращаются в информационное загрязнение окружающей среды.

И здесь возникает серьезная политическая проблема: некоторая часть беспорядочно накапливаемой информации опасна — например, чертежи атомной бомбы и других видов оружия массового поражения, открытия в сфере биотехнологий и производства новых химических веществ. Если такая информация попадет в руки террористов или мафиозных структур, это может привести к опасным политическим последствиям. Однако тщательное отслеживание и секретное хранение этих данных становится все более сложной задачей в условиях компьютеризации: как показала практика, опытные компьютерные «хакеры» способны проникать на самые секретные сайты спецслужб.

Важной чертой постклассической картины политического мира становится постепенное преобладание нового принципа организации политического пространства по сетевому признаку. Именно сети составляют новую по-

литическую морфологию (структуру) современных обществ, а принадлежность к той или иной сети определяет важнейшие источники власти. Это позволило известному испанскому политологу М. Кастельсу охарактеризовать современное общество как «общество сетевых структур», главным признаком которого является доминирование политической морфологии над политическим действием.

Попробуем определить сущность сетевой структуры. Сеть – это децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения все новых и новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. Мы сталкиваемся с действием сетевых структур, используя информационную сеть Интернета, сеть финансовых потоков, сеть средств массовой информации. Сетевую структуру имеет управление многих транснациональных корпораций, бизнес-структур и финансово-промышленных групп.

Важным законом сетевых структур является ускорение политического времени и уплотнение политического пространства в рамках одной сети: любая информация, а равно ей и дискурс, максимально быстро распространяется именно по сетевому признаку. Расстояние, интенсивность и частота взаимодействий между двумя политическими акторами короче, когда оба они выступают в качестве узлов одной политической сети, нежели когда они принадлежат к разным сетям. Типичным примером являются первичные организации любой политической партии. Включение в сетевые структуры или исключение из них, а также конфигурации сетевых потоков, которые задают информационные технологии, становятся доминирующими политическими тенденциями, формирующими постклассический политический мир.

Главная особенность сетевых структур в сфере политики состоит в том, что политическая власть в таких обществах больше не является монополией институтов государства и политических партий, – она распространяется по глобальным сетям богатства, информации и имиджей, которые циркулируют и видоизменяются, не привязанные более к какому-то одному определенному географическому месту. Как замечает М. Кастельс, «...новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институ-

ты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков»³.

Только тот, кто способен подключить свою сеть к средствам массовой информации, став владельцем одного из информационных каналов, обзаводится своеобразным «рубильником» – главным рычагом власти, способным формировать виртуальный мир общества и манипулировать им.

Сближение политического процесса с информационными дискурсивными технологиями позволило создать виртуальное политическое пространство, с помощью которого новая политическая власть активно стремится подчинить реальный мир политики. Тем самым сама политическая власть становится отражением бесконечной информационной битвы вокруг политических дискурсов, имиджей и политических кодексов общества, а центрами этой виртуальной битвы становятся умы людей.

И самым опасным следствием информационной революции в политике является то, что вне зависимости от того, кто становится виртуальным победителем на виртуальной политической сцене, именно он будет обладать реальной политической властью, поскольку никакие институционализованные политические механизмы в информационную эру не способны соперничать с умами людей, опирающихся на власть информационных сетей.

Американский политолог С. Хатингтон подчёркивает, что сегодня официальные политические лица для характеристики новых посттрадиционных политических акторов не случайно используют такие термины, как «стоящие вне закона», «аморальные». «По существу, речь идёт о новой гражданской войне, и сегодня в этой необъявленной войне погибает больше людей, чем на объявленных полях сражений»⁴.

Одновременно важно подчеркнуть, что информационная революция разворачивается в нестабильном, стремительно глобализирующемся мире, где с помощью информационных технологий необычайно усилились взаимозависимость и взаимопроникновение разнородных политических систем, произошло стирание жестких политических границ и разбалансирование формализованных прежде политических систем. В условиях информационной революции чрезвычайно обострились межкультурные, межэтнические и межконфессиональные противоречия, что приве-

ло к распространению множества конфликтов низкой интенсивности по всему миру.

Новыми постклассическими политическими акторами на современной политической сцене стали транснациональные корпорации и антиглобалисты, медиамангаты, монополизовавшие ведущие каналы СМИ, и телекиллеры, вооруженные «черным пиаром», экологисты и «зеленые», террористические группировки и неуправляемые миграционные потоки, маргинальные и криминальные «мафиозные» структуры. В последние годы в политический словарь прочно вошли такие термины, как ‘камикадзе’, ‘боевики’, ‘группы захвата’, ‘зачистки территории’.

При всем разнообразии политических субъектов информационного общества их можно разделить на носителей власти и внесистемную оппозицию. При этом большинство из них принадлежит именно к внесистемной политической оппозиции и делится на две большие группы – легальное «самобытное сопротивление», которое находит себе опору в традиционных и нетрадиционных ценностях сообщества, и нелегальные криминально-мафиозные сети, подрывающие основы общества.

Антиглобалисты, экологисты, «зеленые», женские движения с помощью сетевой структуры организации выступают в качестве создателей и распространителей новых политических принципов и правил поведения, этических кодексов и норм, причем не только в рамках своей сети, но и с помощью взаимобменом и взаимодействий.

Важно отметить одно из противоречий современного общества – противоречие между институтами и принципами современной плюралистической демократии и сетевой структурой информационного общества.

Синергетика, наука о самоорганизации сложных систем, предупреждает, что платой за очередное повышение уровня структурной организации являются все возрастающие выбросы энтропии в окружающую среду.

Синергетический подход предполагает решение проблемы с помощью развития новой этической системы в сфере политики, которая сможет создать более высокий уровень доверия в обществе. Известно, что общества с высоким уровнем доверия, например, Япония, создали сетевую систему управления задолго до того, как произошла информационная революция.

Как справедливо отмечает Ф. Фукуяма, доверие в информационном обществе является общественным капиталом и, если его нет, люди вынуждены взаимодействовать лишь в рамках системы формальных правил, которые постоянно пересматриваются, согласовываются, отстаиваются в суде, и обеспечивать их необходимо с помощью мер принуждения. Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все виды деятельности, от которого избавлены общества с высоким уровнем доверия.

Классическая картина политического мира была основана на стройной иерархии отношений власти, когда завоевание властных политических вершин означало доступ ко всем каналам политического могущества и влияния. Монарх, президент и харизматик-революционер в классической картине политического мира, стремясь завоевать власть, опирались на организацию, централизацию и иерархию. Легитимность их власти в обществе основывалась на добровольном признании большинством их властных прерогатив согласно монархической традиции, конституции или харизме.

Информационная революция необычайно раздвинула горизонты информационного пространства, предоставив в распоряжение политической власти глобальные информационные потоки. Власть может пользоваться этими потоками, но она не в силах ими полностью управлять. В информационном обществе невозможен «железный занавес», любые манипуляции с информацией носят локальный характер, поскольку сокрытие информации в одних каналах может быть мгновенно деавуировано другими информационными потоками.

Вот она, главная тайна информационного общества: политическая власть не может полностью контролировать свой новый ресурс – политическую информацию, информация постоянно «ускользает» из ее рук. Политическая власть существует сегодня в пространстве неуправляемых информационных потоков, дискурсов, и это, в свою очередь, делает бытие власти таким же неуправляемым.

Сетевые потоки информации невидимыми, но всемогущими нитями опутали и разрушили самую основу, костяк политической системы общества – институты власти. Политические партии, парламенты, конгрессы, государ-

ственные советы и бюрократические структуры оказались беспомощными глиняными колоссами на пути бушующих информационных потоков. Политические иерархии невосприимчивы сегодня к сетевым потокам информации так же, как были невосприимчивы когда-то феодальные структуры власти к республиканским политическим идеалам.

Информационная революция в экономике привела к усилению децентрализации, демассификации и фрагментации производства. Эти перемены ознаменовали переход к системе гибкой специализации, призванной быстро отвечать на новые запросы рынка и включающей в себя такие элементы, как оперативное изменение объемов производства, подвижная кадровая политика, быстро меняющийся парк машин, гибкие технологические процессы и организационные формы.

Таким образом, использование сетевого принципа управления в экономике привело к поистине революционным результатам: дифференциация сменилась гомогенизацией, иерархия – децентрализацией, подконтрольность – самоорганизацией. Корпорации, ранее представлявшие собой вертикальные структуры, превратились в горизонтальные сетевые совокупности коллективов, каждый из которых представляет собой фактически завершённую организацию со своими целями, ценностями, мотивами и лидерами.

Современные корпорации превратились в социальные структуры даже в большей мере, чем в экономические, поскольку в современных условиях корпорация функционирует как представительное общественное учреждение: ее общественные функции как коллектива не уступают по значению ее экономическим функциям.

Напротив, те предприниматели, чьи ценности имеют чисто экономический характер, проигрывают экономическое соревнование.

Перспектива социального бытия – за креативными сетевыми саморазвивающимися корпорациями, где власть децентрализована и локальна. При этом социальные функции таких корпораций связаны с основными направлениями их деятельности. Прежде всего, они развивают креативный потенциал современного общества, инкорпорируя в себя новых перспективных специалистов и осуществляя их непрерывное образование, что составляет основу саморазвития современного общества.

Таким образом, политическая реальность строится на базе дискурсивных практик взаимообменов и взаимодействий в сетевых структурах. И данным способом создаются и распространяются новые политические принципы и правила поведения, этические кодексы и нормы.

А отправной точкой всего этого является пассионарность, т. е. сверхэнергичность индивида или их объединений.

Следует отметить, что традиционные иерархичные институты политической власти слишком медленно принимают решения, что не соответствует темпу перемен информационного общества.

Между тем политическая власть вполне может быть перестроена по сетевому принципу, если использовать опыт крупных современных креативных корпораций. Это означает переход от централизованного политического управления к модульной политической организации, в основе которой лежат небольшие структуры, соединенные во временные конфигурации. Сетевая форма политического управления позволит наиболее полно использовать стремление творческих работников к нововведениям и инициативам, и, кроме того, даст возможность перенести принятие ответственных политических решений на низовые уровни управления.

«Это будет означать подлинную децентрализацию политической системы, когда большинство центров принятия решений спускается вниз по властной вертикали. Не следует опасаться, что такая децентрализация политических решений приведет к существенной “потере” политической власти наверху – наиболее важные, “судьбоносные”, национальные и транснациональные решения останутся за правительствами и президентами. Между тем разделение политических решений, как и разделение ветвей политической власти в недалеком прошлом, может стать важным шагом на пути стабилизации политической системы общества»⁵.

Используя электронную диалоговую коммуникационную систему, жители городских коммун, районов и округов могут реально участвовать в процессе принятия решений на местном уровне.

Децентрализация информационных потоков является основой децентрализации политических решений, поскольку «отследить», как прежде, всю локальную информацию политическая власть уже не в состоянии.

Вместе с тем конфликты низкой интенсивности, терроризм, незаконные миграционные потоки, наркотрафик, обострение глобальных проблем – все это требует оперативных, компетентных и точных политических решений высших эшелонов политической власти. Разделение политических решений – единственный адекватный выход в этой ситуации. Создание в политической сфере самоуправляющихся креативных ассоциаций, способных принимать и реализовывать политические решения на разных уровнях, – реальный путь выхода из тупика современной политической власти.

Одной из фундаментальных потребностей человека является чувство принадлежности к определенному сообществу. Сегодня это чувство удовлетворяет преимущественно экономическая система общества, предоставляя современному человеку возможность ощутить удовлетворение от осознания единения с коллегами по работе. Кризис политической системы выражается в том, что граждане перестали доверять институтам власти, не интересуются политическими проблемами, не хотят голосовать на выборах или голосуют «против всех».

Для того чтобы современный человек вновь мог стать частью политического сообщества граждан, необходимо восстановление атмосферы политического доверия в обществе. Только так можно позитивно разрешить современное противостояние политической и экономической власти, не разрушив самого общества. Неслучайно Ф. Фукуяма подчеркивает: «Общественный капитал – это возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его частях»⁶.

Примечания

¹ Грицанов, А. А. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.

² Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1986.

³ Кастельс, М. Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1990.

⁴ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

⁵ Василенко, И. А. Политическая философия. М., 2004.

⁶ Fukuyama, F. Trust. N.-Y.: Free Press, 1996.